

*Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века.
Истоки конфликта.
М., «Квадрига», 2015, 488 с.**

М. Б. Бессуднова – уже давно и хорошо зарекомендовавший себя специалист в области истории русско-ливонских и русско-ганзейских отношений конца XV – начала XVI в. Большой и мало востребованный в советской и российской науке материал ливонских документов, обширные пласты собственно ливонской историографии – в этих областях Марина Бессуднова является непревзойденным специалистом. Ее монография, посвященная Ливонии и Новгороду накануне военного столкновения с Московским великим княжеством 1501 г. продолжает серию работ ученого в области изучения русско-ливонского пограничья.

Книга М. Б. Бессудновой о русско-ливонских отношениях конца XV в. представляет собой большое, основанное на огромном массиве источников исследование, демонстрирующее новый, непривычный для историографии на русском языке, взгляд на этот эпизод истории Балтийского пространства. Уже во вводной части М. Б. Бессуднова подробно рассматривает то, как шло формирование границы еще в годы новгородской независимости (Бессуднова 2015: 15-17). Четкое размежевание отсутствовало, существовали лишь своеобразные «болевые точки»; так, камнем преткновения был остров Кифхольм. Исследовательница указывает, что идея строительства новгородского города напротив Нарвской крепости, где позже возник Ивангород, фиксируется источниками уже в

* Данная статья была подготовлена в рамках проекта РФФИ 16-06-00134 «Правящая элита Русского государства последней четверти XV – середины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование».

1417 г. (Бессуднова 2015: 15). Интересно, что ливонцы, укрепляя границу использовали систему так называемых «сторожевых поместий» (наподобие «ивангородцев» конца XVII в. или Тесовской волости второй половины XVII в.).

Уже оглавление дает представление об объеме привлеченных источников; круг наблюдения автора явно выходит за рамки поставленной в заголовке проблемы. В книге впервые в научный оборот вводится несколько массивов документов; замечен также явный крен М. Б. Бессудновой в историю «немецкой» Балтики. При этом автор ставит и решает важные обобщающие вопросы, касающиеся и истории Руси: так очень подробно рассматривается вопрос о символичности и неточности хрестоматийной даты «1478» как года присоединения Новгорода к Москве.

Основная часть работы предварена экскурсом в историю отношений Руси с Ливонией (эта часть в книге именуется «Вместо Пролога»). М. Б. Бессуднова пытается найти термин, характеризующий эти отношения; именует их (для XV, как я понимаю, века) «межгосударственными». Но чувствуется, что и автор предпочел бы отказаться от него, настолько он выглядит модернизаторским (у меня нет своего предложения для обозначения отношений Ливонии, Новгорода и Пскова в рассматриваемый период).

Обзор историографии в этой части книги кажется важной и исчерпывающей частью исследования, своего рода «монографией в монографии». Изложение работ предшественников построено более проблемно, как история идей, нежели в формально-хронологическом порядке. Здесь очень хорошо показаны причины многих явлений в историографии; историография работ о Ливонии «уложена» в более широкий контекст истории идей. Наиболее подробно в книге исследуются советский историографический феномен, равно как феномен «остфоршунга»; указаны последствия противостояния этих идеологов, в том числе и позитивные: «война идей» привела к тому, что тема русско-ливонских, русско-ганзейских связей XIII-XV вв. оставалась на острие историографий в годы Холодной войны. Важнейшей же негативной чертой такого про-

тивостояния являлось, как представляется и как это показывает М. Б. Бессуднова, практически полное (за исключением нескольких работ И. Э. Клейненберга, М. П. Лесникова и отчасти Н. А. Казаковой), незнание советских ученых собственно с ганзейскими и ливонскими документами. Важные изменения в историографии произошли после окончания Холмской войны. Преодоление теории барьеров характерно, согласно М. Б. Бессудновой для работ А. Л. Хорошкевич, Е. Л. Назаровой, А. Селарта, А. И Филюшкина.

М. Б. Бессуднова дает читателю достаточно полное представление о разнообразных архивных комплексах и типах памятников, необходимых для изучения русско-ливонского противостояния рубежа XV-XVI вв., прослеживает историю публикации и ввода этих памятников в научный оборот. Монография М. Б. Бессудновой позволяет судить о том, что объем этих документальных комплексов велик, а диапазон привлекаемых данных – широк; однако все же хотелось бы увидеть здесь более глубокий и критический обзор информационных возможностей разных видов источников. В книге очень подробно рассматривается именно пограничная переписка; по всему тексту встречаются обширные цитаты из документов этой переписки.

Важно, что М. Б. Бессуднова разделяет два типа взаимоотношений домосковских Новгород и Псков с Ливонией: Псков более сконцентрирован на решении приграничных споров (преимущественно с Дерптским епископством), тогда как Новгород более всего волнуют торговые споры. В качестве плодотворного метода для изучения природы псковско-ливонского противостояния М. Б. Бессуднова считает использование понятия «фронт» применительно к ситуации на границе в XV в., а также, переносит тезис Ю.-П. Таавитсайнена о существовании «ментальной границы» на псковско-дерптское пограничье. В качестве объяснительной модели противостояния М. Б. Бессуднова предлагает постепенное движение от такой «ментальной» границы к маркированной.

Автор дает новую трактовку истории русско-ливонской войны 1480-1481 гг., базируясь, действительно, на значитель-

но более широко, нежели у предшественников, корпусе источников. На страницах монографии встречается множество имен (преимущественно ливонских), события, предшествовавшие войне (прежде всего, дипломатические усилия ливонцев) и, собственно ход войны изучен М. Б. Бессудновой чрезвычайно подробно. М. Б. Бессуднова активно пользуется традицией *Personalgeschichte*, предложенной при изучении истории Ордена немецкими авторами. Изложение сопровождается многочисленными цитатами (переводами) из источников (в основном, корректно вынесенными в подстрочные примечания). Положительной чертой этого исторического очерка является то, что автор рассматривает политические события в широком контексте центрально- и восточноевропейской политики. М. Б. Бессуднова вычленяет явления, проявившиеся в ходе войны и имевшие последствия в XVI в.: широкую заинтересованность внешних сил (Швеции, Великого княжества Литовского, империи) в конфликте Ливонии с русскими политиями.

Несколько неожиданно после рассуждения о войне следует исследование тенденций развития русско-ганзейской торговли XV в. Несомненно, эта тема имеет прямое отношение как к теме, рассматриваемой в монографии, так и к политической истории второй половины XV в.; однако требуется некоторое напряжение, чтобы понять логику изложения этой части книги (действительно, как было заявлено выше, именно торговые вопросы были содержанием конфликтов Новгорода с городами Ливонии). М. Б. Бессуднова обращается к поистине обширной историографии вопроса и вновь приводит большой обзор источников, необходимых для изучения русско-ганзейской торговли.

Следующая проблема, рассмотренная в книге М. Б. Бессудновой – это поиск существенных изменений в отношениях Руси (русских политий?) с Ганзой и Ливонией после присоединения Новгорода к Москве. Здесь вновь мы встречаемся с исследованием прежде всего политической истории. Одним из самых важных для М. Б. Бессудновой положений является то, что для Ивана III проблема Ливонии, экспансия в Ливонию не

стояла (Бессуднова 2015: 179); отношения с Ливонией были интересны московскому великому князю только в контексте отношений с империей, в меньшей степени – другими центрально-европейскими государствами. Одновременно на ганзетагах регулярно обсуждалась «русская угроза». Впрочем, этот мотив использовался, по словам М. Б. Бессудновой, ливонскими ландсгеграми подчас для того, чтобы решать свои политические задачи внутри Ливонии. Периферийным сюжетом в монографии, но важным с точки зрения изучения истории присоединения Новгорода к Москве, является отмеченное ганзейскими документами 1487 г. переселение купеческих семей из Новгорода вглубь Московского государства. Это, в частности, по мысли М. Б. Бессудновой, привело к «дефициту дееспособных торговых партнеров» в Новгороде для ганзейских купцов. Рассмотрением этого сюжета, а также переговоров, предшествовавших заключению мирного договора Ливонии с Новгородом 1493 г., заключенного уже в новых условиях, завершается вторая глава книги. Рассматриваются и социальные последствия присоединения Новгорода к Москве (напр., Бессуднова 2015: 166). Устранение купечества, его депортация из Новгорода и наплыв людей «с Низу», произошедшие в 1480-1490-х гг. было для ганзейцев разрывом старых родовых связей.

Амбиция Ивана III играть роль в этом политическом пространстве вели его к тому, чтобы использовать и Ливонию – часть Священной Римской империи. М. Б. Бессуднова постулирует одну из своих важнейших мыслей: главная цель Ивана III в этом политическом направлении – достичь партнерских отношений с империей. Именно в этой игре разыгрывалась и ливонская карта. Но московскому великому князю не удалось желаемое, ни с императором, ни с его сыном Максимилианом, хотя в отношениях с последним шансы на установление более или менее равноправного альянса, видимо, присутствовали. Вслед за Дж. Феннелом М. Б. Бессуднова множеством примеров показывает, что время успешных переговоров с Максимилианом очень точно коррелирует с благоволением Ивана III ганзейским городам. Однако вспыхнувший кон-

фликт Максимилиана с французским королем Карлом VIII привел к фактическому разрыву наметившихся взаимоотношений: М. Б. Бессудновой удалось показать, как это сказывается на отношении оскорбленного Ивана III к Ливонии. Именно тогда, в 1492 г. началось строительство Ивангорода – крепости прямо угрожавшей ливонской Нарве и не имевшей никакого другого значения, кроме как угрозы Ливонии. В Ливонии этого не поняли и, как пишет М. Б. Бессуднова, старались винить во всем великокняжеских наместников. Очень ярко исследовательница показывает, что в ливонских и ганзейских городах в это время новые формы обрела «русская угроза»: образованные ливонцы пустили слух о намерении Ивана III строить флот на Балтийском море.

В контексте ухудшения отношений с империей М. Б. Бессуднова рассматривает и катастрофу ливонского посольства 1494 г. в Москву и одновременный арест жителей Немецкого подворья в Новгороде. Ливонские послы и купцы были единственными имперскими подданными, на которых великий князь мог влиять физически; он и не преминул воспользоваться открывшейся возможностью, что привело к полному разрыву отношений. Кроме того (впрочем, это звучит не так убедительно, как все остальное), по мнению М. Б. Бессудновой, великий князь преследовал закрытием Немецкого подворья также и попросту цель обогащения за счет конфискованного у интернированных купцов. Ганзейцы же не понимали, как справедливо пишет автор (Бессуднова 2015: 282), что на московского государя нельзя воздействовать торговыми санкциями.

Особо исследовательница рассматривает политические отношения Москвы с Ливонией и Ганзой между арестом посольства и разгромом Немецкого Подворья и началом войны 1501-1503 гг. М. Б. Бессуднова последовательно показывает, что в Ливонии (а особенно, в городах Ганзы) были очень сильны настроения к «замирению» Москвы, несмотря на то, что жители этих городов находились в заключении в Новгороде. Противоречия даже между городами Ливонии были таковы, что Дерпт, Ревель и Нарва не могли выработать общей

позиции: как им следует вести себя в отношении новгородской торговли. Одновременно в приграничье, по инициативе ливонцев велась «необычная торговля», прежде всего с Новгородом. Несмотря на разрыв отношений, оставались пути для проникновения новгородских купцов в некоторые ливонские города (Дерпт), сохранялась и возможность для приезда ливонских купцов в Новгород (Бессуднова 2015: 198-199). Несмотря на ганзейские запреты на вывоз металлов, ливонцы продолжали поставлять их на русский рынок. То же касалось экспорта оружия и боевых лошадей.

Именно тогда, после ареста ганзейцев в ноябре 1494 г., намечается союз Ливонского Ордена с Швецией, закончившийся разгромом Ивангорода. Шведы выступили на стороне Ливонии в связи с начавшимся сближением Москвы с датским королем Юханом II. М. Б. Бессуднова показывает, что Москва в конце XV в. не понимала внутреннего состояния и управления в Ливонии: требовать от магистра наказания городских судей, приговоривших новгородца к казни было невозможно: магистр не имел права вмешиваться в городские дела. Такое представление, разумеется, не умещалось в головы московских политиков. В то же время именно на нарвских переговорах появился топос «поругания церквей», чего не было в предшествующих взаимоотношениях Новгорода и Пскова с Ливонией.

Неуспех переговоров вел стороны к войне. Этот вопрос М. Б. Бессуднова вновь рассматривает в рамках общеевропейской политики; по ее мнению, именно в это время Ливония постепенно начинает становиться объектом борьбы соседних держав. Поэтому период подготовки к войне рассматривается через призму русско-прусских, русско-датских, ливонско-датских и русско-литовских отношений в этот период. Очень важны наблюдения автора о русско-датско-шведских взаимоотношениях этого времени. Конфликт со Швецией был связан с вопросом о трех погостах и М. Б. Бессуднова справедливо пишет (Бессуднова 2015: 254-255), что это были три обычных сельских территории, населенных карелами, русских нет. Но из-за них Москва втягивается в войну с Швецией. Интен-

сивные контакты Москвы с датским королевским двором в конце XV в. также подчеркивали международные амбиции Москвы: Ивану III необходим был «чистый путь» для московских подданных по Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии. Автор пишет о том, что после взятия Новгорода, Твери и Пскова у московских властей возникает и мысль о русских землях Великого княжества Литовского. Титул «Государь всея Руси», для Ивана III обозначал право требовать отношения к русским людям вне зависимости от их местопребывания.

В это же время фиксируется и изменение обстановки вдоль всей границы: активность русской стороны, ограбление ими приграничных ливонских территорий связывается М. Б. Бессудновой с появлением здесь нового элемента – помещиков. Именно на этом месте, после исследования вопроса о литовско-ливонском союзе, и стоит верхняя хронологическая рамка работы (изучения собственно войны, не входило в задачу автора). Ливонцев чрезвычайно испугало намерение Ивана III построить дорогу от Яма к Ивангороду в 1496 г. (Бессуднова 2015: 316). Они решили, что русские готовятся наступать на Нарву и Ревель.

Вряд ли можно согласиться с утверждением М. Б. Бессудновой о том, что «Слухи о готовящемся наступлении русских в Ливонии могли распространяться новгородской оппозицией» (Бессуднова 2015: 329) – это в 1497-1498 гг.! Ни о какой «новгородской оппозиции» в это время говорить, разумеется, не приходится.

М. Б. Бессуднова пишет: «Осень 1497-го и начало зимы 1497/1498г. в Ливонии провели в подготовке переговоров с русскими, которые предполагалось провести 2 февраля в Нарве. Не в первый раз новгородцы и ливонцы съезжались на берег Наровы для обсуждения взаимных претензий и выработки решений. Теперь ситуация оказывалась совершенно иной» (Бессуднова 2015: 340). Новый владелец этих земель, Иван III – рушил не только экономику, но и традиции международного общения.

Канун войны М. Б. Бессуднова рассматривает с позиций не только политической, но и социальной истории. Она пишет

о предшествовавшей войне обстановке «крестьянской солидарности» по обе стороны границы (Бессуднова 2015: 325-326), о мирном населении в канун войны и о «казацкой» войне – стремлении московской центральной власти провоцировать «малую войну» на границе (Бессуднова 2015: 364-365), за которую центральная власть не брала ответственность.

В заключении М. Б. Бессуднова вновь постулирует мысль, которая возникает уже в историографическом обзоре: «политическая историография» сегодня архаична; не может считаться научным при изучении событий прошлого принимать сторону одного из участников исторического конфликта. Впрочем, в случае с противостоянием Ливонии и Москвы многие воспроизводимые в историографии XIX-XX вв. стереотипы возникли еще в ходе идеологических баталий собственно XV-XVI вв., такие как мотив религиозной розни. По наблюдениям А. Селарта, такой розни не прослеживается на бытовом уровне; это – те постулаты, которые проникли, тем не менее, в общественное сознание в результате политико-идеологических спекуляций. По мнению М. Б. Бессудновой, именно в Ливонии, в «буферной зоне» между католическим и православным миром, существовали предпосылки для конструктивного взаимодействия. Однако его не произошло.

Интересен также вывод М. Б. Бессудновой о том, что не следует объяснять выросшее в конце XV в. напряжение между Ливонией и Русью только лишь присоединением Новгорода и Пскова к Москве. Конфликты, по Бессудновой, назревали и ранее. На псковско-ливонской границе постепенно шел переход от «ментальной» к линейной, демаркированной границе. В торговле же Новгорода с Ганзой произошла резкая смена ассортимента русских товаров; упадок новгородского Немецкого подворья вел к появлению «необычной торговли» в пограничье.

Подводя итог, следует отметить, что книга М. Б. Бессудновой является фундированной, монографической работой. Из видимых недостатков обращает на себя внимание не всегда четкая структура изложения; логика его не всегда ясна и очевидна. Огромный массив источников, привлеченных

автором – серьезное достоинство работы. Но это же обстоятельство влечет и некоторые недостатки. Источниковедческий анализ не всегда столь глубок, сколь мог бы ожидаться. Познавательные возможности некоторых видов источников (переписки между ливонскими городами, материалы ландтагов) не всегда очевидны; не всегда присутствует необходимая взыскательному читателю критика этих источников. Вместе с тем, наблюдается серьезный перекося в изложении событий: претендуя на объективную картину, автор излагает свой взгляд, базируясь, преимущественно на источниках ливонского происхождения. Это объяснимо: во-первых, М. Б. Бессуднова вводит их в научный оборот сама, читатель пользуется ее переводами (в книге приводятся обширные цитаты); во-вторых, источники московского происхождения, допускаю, более тенденциозны.

А. А. Селин

Автор: Селин Адриан Александрович – доктор исторических наук, Центр исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал (ул. Промышленная, д. 17, Санкт-Петербург, 198099, Россия). adrian.selin@gmail.com

Резюме: Книга М. Б. Бессудновой о русско-ливонских отношениях конца XV в. представляет собой большое, основанное на огромном массиве источников исследование, демонстрирующее новый, непривычный для историографии на русском языке, взгляд на этот эпизод истории Балтийского пространства. Ее монография, посвященная Ливонии и Новгороду накануне военного столкновения с Московским великим княжеством 1501 г. продолжает серию работ ученого в области изучения русско-ливонского пограничья. В книге впервые в научный оборот вводится несколько массивов документов. Несмотря на то, что в книге замечен явный крен М. Б. Бессудновой в историю «немецкой» Балтики, автор ставит и решает важные обобщающие вопросы, касающиеся и истории Руси. Книга М. Б. Бессудновой является фундированной, монографической работой.

Ключевые слова: Ливония, Московское великое княжество, Новгород, Псков, XV в., Иван III, военный конфликт, пограничье.

Литература, использованная в статье

Бессуднова 2015 – *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., «Квадрига», 2015, 488 с.

Information about the article

Author: Selin Adrian Aleksandrovich – Dr. of History Higher School of Economics, St.Petersburg Branch, Faculty of History, Center for Historical Research (17, Promyshlennaya ulitsa, St.Petersburg, 198099, Russia). adrian.selin@gmail.com

Title: [Review of the book:] Bessudnova M. B. Rossiya i Livoniya v kontse XV veka. Istoki konflikta. M., «Kvadriga», 2015, 488 s. (Bessudnova M. B. Russia and Livonia in the end of the 15th century. Origins of a conflict. Moscow, “Quadriga” Publ., 2015. 488 p.).

Summary: M. B. Bessudnova's book devoted to Russian-Livonian relations of the end of the 15th century is a large research, based on a great massive of sources, demonstrating new, unusual for Russian historiography view on this episode of the Baltic region's history. Author's monograph, devoted to Livonia and Novgorod before military showdown with the Great Principality of Moscow in 1501, continues series of scholar's works in the field of Russian-Livonian frontier's study. A few massive of documents are putted into academic practice for the first time; it is seen obvious career of scholar to the history of “German” Baltic. However the author solves important generalized questions, concerning Russian history as well. M. B. Bessudnova's book is a funded, monographic work.

Key words: Livonia, The Great Principality of Moscow, Novgorod, Pskov, 15th century, Ivan III, military showdown, frontier.

References (transliteration)

Bessudnova M. B. *Rossiya i Livoniya v kontse XV veka. Istoki konflikta* [Russia and Livonia in the end of the 15th century. Origins of a conflict]. Moscow, “Quadriga” Publ., 2015. 488 p. (In Russian).

The paper submitted on 07.10.2015

The paper is admitted for publication on 01.03.2016